

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/7-22

Научная статья

© И. И. Бойко, Г. В. Ертмакова, Н. Ю. Толстова

ВОСПИТАННИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ ЧУВАШИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война

Р. Рождественский

Дети и война — одно из тяжелейших испытаний, которое приходится пережить всем участникам вооруженных противостояний. Для народов СССР в полной мере оно проявилось в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в ходе которой число уже имевшихся беспризорных и безнадзорных детей значительно возросло в результате призыва взрослого населения в действующую армию, гибели солдат и офицеров, эвакуации миллионов семей в тыловые районы страны. В них развернулась деятельность по приему и обеспечению жизни и воспитания несовершеннолетних граждан. Одной из форм работы в этом направлении было расширение действовавших и создание новых воспитательных и образовательных учреждений, в частности, детских домов. В статье рассматриваются особенности этой работы в Чувашской АССР, не располагавшей серьезными материальными и финансовыми ресурсами, в условиях, когда основные усилия власти были направлены на всестороннее обеспечение фронтовых нужд. Архивные документы свидетельствуют о практических чрезвычайных условиях, в которых оказались воспитанники детских домов, особенно в первой половине военного времени. Нехватка теплой одежды, обуви, перевозки с поставками продовольствия, заготовкой дров, недостаточное оборудование учебных и жилых помещений, болезни детей, многие из которых впервые переживали отрыв от семей, и другие обстоятельства — все это предстояло решать коллективам воспитательных учреждений, сотрудникам местного министерства просвещения, руководителям партийных и советских организаций городов и районов Чувашии. Совместные усилия позволили преодолеть основные трудности, сохранить жизни детей, обеспечить их обучение и воспитание, подготовку к взрослой жизни.

Бойко Иван Иванович — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашской Республики (Российская Федерация, 428015 Чебоксары, Московский пр-т, 29, корп. 1). Эл. почта: boyko2003@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>

Ертмакова Галина Васильевна — к. и. н., директор, БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» (Российская Федерация, 428000 Чебоксары, пр. Ленина, 16В). Эл. почта: gertmakova@yandex.ru

Толстова Наталья Юрьевна — к. и. н., заведующая Научным центром, БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» (Российская Федерация, 428000 Чебоксары, пр. Ленина, 16В). Эл. почта: nykuznetcova@yandex.ru

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская АССР, детские дома, воспитанники, эвакуация

Ссылка при цитировании: Бойко И. И., Ертмакова Г. В., Толстова Н. Ю. Воспитанники детских домов Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 7–22.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/7-22

Original Article

© Ivan Boyko, Galina Ertmakova, and Natalia Tolstova

CHILDREN FROM ORPHANAGES IN CHUVASHIA ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The fate of children during the war is one of the most difficult trials that all participants in armed confrontations have to go through. For the peoples of the USSR, it was fully manifested in the days of the Great Patriotic War of 1941–1945, during which the number of children who already were homeless or neglected increased significantly as a result of the call of the adult population to the army, the deaths of soldiers and officers, and the evacuation of millions of families to the rear areas of the country. Those areas launched activities to receive and to ensure the life and upbringing of minors. One of them was the expansion of existing and the creation of new educational institutions, orphanages in particular. The article examines how this work was done in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, which did not have serious material and financial resources, while the main efforts of the authorities were aimed at providing comprehensive front-line needs. Archival documents show the almost extreme conditions in which the children in orphanages found themselves, especially in the first half of the wartime period. The shortage of warm clothes, shoes, interruptions in food supplies, firewood storing, insufficient equipment for educational and residential premises, diseases among children, many of whom were experiencing separation from their families for the first time, and other circumstances — all this had to be solved by the staff of educational institutions, employees of the local Ministry of Education, and heads of the party and Soviet organizations in cities and districts of Chuvashia. Joint efforts had made it possible to overcome the main difficulties, to save the lives of children, and to ensure their education and upbringing.

Keywords: The Great Patriotic War, the Chuvash ASSR, orphanages, pupils, evacuation

Authors Info: Boyko, Ivan I. — Doctor of History, Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: boyko2003@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>

Ertmakova, Galina V. — Ph.D. in History, Director of the Budgetary Institution of the Chuvash Republic «State Historical Archive of the Chuvash Republic» of the Ministry of Culture, Nationalities and Archival Affairs of the Chuvash Republic (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: gertmakova@yandex.ru

Tolstova, Natalia Ju. — Ph.D. in History, Head of the Scientific Center for the Study of Archival Materials on the Feat of Home Front Workers of the Budgetary Institution of the Chuvash Republic «State Historical Archive of the Chuvash Republic» of the

Ministry of Culture, Nationalities and Archival Affairs of the Chuvash Republic (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: nykuznetcova@yandex.ru

For citation: Boyko, I. I., G. V. Ertmakova, and N. J. Tolstova. 2025. Children from Orphanages in Chuvashia on the Eve and During the Great Patriotic War. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–22.

Введение

Проблема детей, оставшихся без родителей и родственников, для России являлась актуальной с дореволюционных времен, особую остроту она приобрела в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Численность беспризорников в начале 1920-х годов определяется различными цифрами, в Большой российской энциклопедии речь идет о 7 млн чел. в 1922 г. (БРЭ 2005: 417). К концу 1920-х годов государству в основном удалось решить эту проблему, но с началом коллективизации отмечалась новая волна роста числа таких детей. В 1935 г. правительством страны и ЦК ВКП (б) было принято постановление, направленное на борьбу с данной масштабной проблемой, в котором определялись меры по ликвидации этого социального явления путем организации различных учреждений для содержания детей, их обучения, приобщения к труду (О ликвидации 1935). Также предусматривалось создание детских домов для детей, нуждавшихся в длительном лечении, для детей-инвалидов. Речь шла и о подростках, нарушавших уголовное законодательство, которые должны были задерживаться и помещаться в изоляторы, трудовые колонии, приемники-распределители.

О судьбах детей и истории детских учреждений Чувашии в военные годы имеется ряд публикаций, в том числе историков. Прежде всего, отметим издания, имеющие скорее документальный характер, основанные на материалах архивов и воспоминаний воспитанников и работников детских учреждений. Речь идет о статьях В. Ф. Питерновой (Питернова 2004), Н. Андреевой и О. Игнатьевой (Андреева, Игнатьева 2006). В 2014 г. увидела свет книга В. Н. Ивановского, посвященная ленинградским детям, жившим в годы войны в Чувашии (Ивановский 2014). Анализ истории организации и деятельности детских домов и специальных школ выполнен известным исследователем детской беспризорности и безнадзорности в России А. А. Славко (Славко 2010). Обобщенные сведения об эвакуированных детских учреждениях Волго-Вятского региона приведены в статьях В. В. Тимофеева (Тимофеев 2010), а также Г. В. Серебрянской и Н. В. Сакович (Серебрянская, Сакович 2020).

В настоящей статье сделана попытка обобщить архивные материалы и осветить проблемы текущей повседневности в работе детских домов и жизни воспитанников. Речь идет об организации и комплектовании детских домов, бытовых условиях жизни детей, их питании, медицинском обслуживании и т. д. Вне рамок исследования остается учебный процесс.

Детские дома Чувашии накануне войны

После принятия указанного выше постановления правительства и ЦК ВКП (б) работа по его реализации велась во всех регионах страны с разной степенью интенсивности, в зависимости от числа детей, оказавшихся вне семей. В Чувашской АССР действовали пять детских домов. В четырех из детских учреждений данного типа жили и обучались

воспитанники школьного возраста. Один из таких детских домов был предназначен для содержания трудновоспитуемых подростков и находился в городе Мариинский Посад — районном центре республики. Кроме того, еще в одном учреждении жили дети дошкольного возраста. Всего в Чувашии детские дома были рассчитаны на 758 чел., к началу февраля 1941 г. там проживал 761 ребенок, в том числе 144 дошкольника, 49 трудновоспитуемых (ГИАЧР 1: 1).

Судя по архивным документам, ситуация в детских домах республики перед войной была далекой от благополучия. В течение 1940 г. в детские дома было принято 185 чел., за этот же период было направлено на производство 104 чел., в училища ФЗО и ремесленные — 16 чел., к родственникам — 43 чел. Кроме того по графе «убыли» числилось 46 сбежавших. Наибольшее число самовольно покинувших детские дома (25 человек) пришлось на Цивильское воспитательное учреждение, в котором насчитывалось 325 детей. Детдом с трудновоспитуемым контингентом самовольно покинули 15 человек, остальные 6 воспитанников проживали в Чебоксарском (Заволжском) детдоме (ГИАЧР 1: 1–2). Практически все дети посещали школьные занятия, за исключением двух воспитанников Мариинско-Посадского детдома из числа трудновоспитуемых.

Успехи в учебе были разными, но достаточно низкая успеваемость отмечалась в отчетах проверяющих, документах Министерства просвещения. В детских учреждениях не хватало помещений для мастерских, работы кружков, были трудности с освещением комнат, их отоплением. Особенно напряженная ситуация с учебой наблюдалась в Мариинском Посаде. В справке заместителя министра просвещения ЧАССР констатировалось, что в этом учреждении у детей интерес к занятиям отсутствовал. Дети срывали уроки, грубили, курили. Дисциплина практически во всех детских домах нередко поддерживалась окриками, физическим воздействием. В непростых условиях педагоги и воспитатели пытались наладить и внешкольную работу, в частности организовывались и работали различные кружки: хоровой, музыкальный, драматический и т. д., в которых в основном занимались девочки. Мальчикам находили занятия в столярных и слесарных мастерских. В двух детских домах работали вышивальные мастерские, развивая чувашские семейные традиции. Но воспитанники, особенно мальчики, были слабо подготовлены к самостоятельной жизни, многие не могли даже пришить пуговицу к рубашке (ГИАЧР 1: 2 об.).

Состояние здоровья детей не могло не вызывать обеспокоенность. В Цивильске и Мариинском Посаде они были завшивлены, у многих наблюдалась хронические болезни. (ГИАЧР 1: 3). Имелись регулярные трудности с питанием, не всегда в блюдах присутствовали в достаточном количестве мясо, жиры, были перебои с поставкой макаронных изделий, сахара и др.

Все детские дома имели подсобные хозяйства, содержали лошадей, коров, свиней, на полях засевались сельскохозяйственные культуры. Но в 4 из 5 детских домов эта деятельность оказалась убыточной и только в Заволжском детском учреждении была получена прибыль (ГИАЧР 1: 4).

Судя по заключениям работников органов просвещения, проверяющих деятельность детских домов, имелась значительная недоработка администрации, педагогов и воспитателей. В детских домах регулярно проводились проверки, справки о ситуации в этих учреждениях направлялись в вышестоящие органы. Достаточно благополучным воспитательным учреждением считался Ибресинский детский дом, к началу апреля в нем насчитывался 91 воспитанник, из которых почти половину (47%) составляли дети

в возрасте от 14 до 16 лет. Пятая часть приходилась на 9–11-летних, и треть составляли 12-ти и 13-летние. Все воспитанники состояли в ВЛКСМ, пионерской организациях, за исключением самых младших, которые были октябрятами. С детьми работали 5 воспитателей и одна пионервожатая. Учиться воспитанники ходили в школу соседней деревни. Обувью и одеждой они были обеспечены. При этом детский дом располагался в старом здании, не отвечавшем санитарным требованиям, в общежитии не хватало 20 мест, и некоторые дети спали по двое в кроватях при большой скученности.

Существенной проблемой для Чувашии в довоенное время была трахома, не обошла эта болезнь и детские дома. В Ибреях трахомой болели воспитательница, пионервожатая, техничка, прачки. Среди детей было 11 воспитанников, подверженных этой болезни, кроме того, 26 страдали чесоткой, но не было завшивленных воспитанников. Несколько человек имели хронические болезни, в том числе туберкулез легких, лимфатических желез, спондилит, нуждались в клиническом лечении трахомы и др. (ГИАЧР 1: 35 об.–36). Но учреждение постепенно развивалось, в Ибреях строился новый корпус, баня, склады и т. д. Детский дом располагал наборами домино, шашек, шахмат, гармоны, гитарой, двумя балалайками, правда последние инструменты были неисправны, как и пианино, находившееся на ремонте. В подсобном хозяйстве содержались лошади, коровы, овцы, свиньи.

Другая ситуация была в г. Мариинский Посад, в котором размещался детский дом для трудновоспитуемых подростков. Инспектор министерства просвещения Чувашской АССР, направленный туда для проверки, отмечал, что учебные классы при детском доме должны посещать 41 чел. из 51 воспитанника. Остальные ходили на занятия в городские школу и техникум, один воспитанник работал, кроме того, двое находились в больнице. По наблюдениям проверяющего, на первый урок, в лучшем случае, приходили до 20 человек, к последнему занятию оставались 3–5 школьников, а в солнечные теплые дни классы оставались пустыми. Собственно, и занятия трудно было назвать такими: воспитанники приходили и уходили с уроков «беспрерывно», в классе играли в карты, курили, пели, свистели и т. д. О дисциплине речь и не шла. Стараниями столичного инспектора численность детей на уроках доходила до 27, но он признавал, что более половины из них ничего не делали в рамках занятий, рвали тетради, делали из чистых листов игральные карты, словом, речь о нормальной учебе идти не могла (ГИАЧР 1: 54). В мастерской по обработке металла занимались только 3 человека, для остальных не хватало материала. В солнечные теплые дни воспитанники чаще всего находились на крышах или улицах города, нередко промышляя кражами (ГИАЧР 1: 54 об.–55). На питание воспитанникам по нормам должно было использоваться 3 руб. 85 коп., но реально уходило меньше из-за отсутствия продуктов или же неправильно составленного меню. Например, 17 апреля на продукты было использовано только 2 руб. 54 коп., и вот как выглядел этот день с точки зрения питания воспитанников: завтрак — картофельный суп с молоком и черным хлебом; обед — щи мясные с черным хлебом и каша гороховая; ужин — картофельное пюре с черным хлебом (ГИАЧР 1: 55 об.–56). Конечно, такой, достаточно скучный, набор блюд не мог восполнить расход энергии растущих молодых людей.

Не все было благополучно и в других детских домах. 4 января 1941 г. Министерство просвещения Чувашии получило отношение из Чувашского обкома ВКП (б), в котором органу управления образованием республики поручалось выявить ситуацию с нарушениями в Цивильском детском доме, о которых шла речь в письме деткора (детского корреспондента).

Письма с жалобами были направлены и в Москву на имя И. В. Сталина, М. И. Калинина, а также в «Пионерскую правду». Инспектор министерства был срочно направлен в Цивильск для изучения положения дел. По мнению проверяющего, дети справедливо написали о непорядках в детдоме. Самая большая трудность для них — очень низкая температура в зимние холода на первых этажах двух корпусов, где жили учащиеся третьего класса. Печи давали мало тепла, запаса дров хватало только на 1–2 дня, постоянно приходилась их «раздобыывать». Цивильский райсовет исполкомом депутатов трудающихся обязал Цивильский леспромхоз обеспечить детдом дровами, но решение не выполнялось. Одежда не соответствовала морозам, поскольку многие дети ходили в худых валенках, дырявой одежде. На питание воспитанников использовались не все деньги, заложенные в бюджет, в блюдах было меньше нормы мяса и жиров. Например, в октябре 1940 г. на каждого воспитанника использовалось по 52 гр. мяса, в ноябре — по 60 гр., в декабре — по 36 гр. Количество жиров колебалось от 1 до 4,6 гр. в день на человека. Среди детей было много с подорванным здоровьем: из 325 воспитанников насчитывалось 225 больных, в том числе с болезнями органов дыхания — 50 чел., туберкулезом болели 26 чел., ушные болезни имелись у 20 чел., малокровие — у 19, ангина — у 14 чел. и т. д. Занятий для воспитанников вне школы находилось немного: около 20 чел. трудились в столярной мастерской, примерно по столько же — в вышивальной мастерской и в кружке духовых инструментов. (ГИАЧР 1: 138 об.–139). Наиболее удовлетворительной признавалась работа Ядринского детского дома, в котором воспитывались дошкольники. Для других воспитательных учреждений были характерны типичные недостатки, к которым, кроме слабой хозяйственной обустроенностии, относились грубость между воспитанниками, их разобщенность, третирование младших (ГИАЧР 1: 150).

В феврале 1941 г. правительство республики приняло постановление, направленное на хозяйственное и организационное укрепление Цивильского и Мариинско-Посадского детских домов. Народному комиссариату просвещения предлагалось подобрать для двух учреждений директоров и их заместителей по воспитательной работе. Для ремонта помещений выделялись дополнительные средства, кроме того, для Мариинско-Посадского и Заволжского детских домов планировались строительство новых школьных зданий. Всем руководителям детских домов вменялось обращать особое внимание на соблюдение правил питания, гигиены обеспечение воспитанников одеждой и обувью и т. д. Наркомату торговли были поставлены задачи по обеспечению всех детских домов продуктами питания, а предприятия местной промышленности должны были поставить всем детским домам валенки (ГИАЧР 2: 71, 73, 74).

Воспитанники детских домов в военное время

С началом Великой Отечественной войны государственные органы, учитывая имеющийся опыт последствий Первой мировой и Гражданской войн, а также послевоенной разрухи, приняли ряд решений, направленных на сглаживание детской беспризорности и безнадзорности. Наверное, в самом начале войны не было понимания, что по стране будут перемещаться огромные массы эвакуированного населения. В первые дни войны речь шла о детях тех лиц, которые начинали призываться в Красную Армию. 28 июня 1941 г. из Министерства просвещения РСФСР в регионы было направлено инструктивное письмо, в котором предписывалось принять меры для расширения мест в детских домах, обеспечении их необходимым инвентарем. Чувашия должна была дополнительно выделить для воспи-

танников детских домов 150 мест (ГИАЧР 2: 54, 56). В этот же день Наркомпрос Чувашии направил письмо к коллегам из наркомата торговли с просьбой предоставления продуктов питания для вновь открывающихся детских домов на 750 мест (ГИАЧР 3: 63).

От имени министра просвещения Чувашии 27 июня в гг. Алатырь и Цивильск были отправлены телеграммы с заданием подготовить детдомы-интернаты на 300 и 200 мест соответственно (ГИАЧР 2: 45, 46). Совнарком Чувашской АССР 10 июля принял решение об открытии нового детского дома на 120 мест и о расширении Ядринского детского дома на 30 мест (ГИАЧР 2: 50, 51). 15 июля 1941 г. на базе республиканского пионерского лагеря был создан Чебоксарский детский дом № 2 на 120 мест для детей школьного возраста (ГИАЧР 2: 37, 38).

Но прошло совсем немного времени, и проблема с детьми, оставшимися вне семьи, предстала во всей масштабности и сложности. 25 июля правительство республики приняло решение о преобразовании Кувшинского дома отдыха в Заволжье в детский дом на 150 мест. Новый детский дом предназначался для размещения детей как тех, чьи родители были мобилизованы в Красную Армию, так и эвакуированных в Чувашию и оставшихся без попечения воспитателей (ГИАЧР 3: 73).

В августе в Чувашию были эвакуированы два детских дома: из Кингисепского района Ленинградской области (82 чел.) и из Москвы (10 чел.). Первый располагался в с. Покровском Октябрьского района, второй — в с. Убеево Красноармейского района. Всего к 15 октября 1941 г. в Чувашии было взято на учет 17085 детей в возрасте от 3 до 17 лет, в том числе прибывших вместе с детскими домами — 92 чел. Кроме того, в Чебоксарах был размещен детский дом Государственного книжного издательства из Москвы, в котором находилось 49 чел. дошкольного и школьных возрастов. Он не входил в систему Минпросвещения Чувашии и обслуживался отдельно. Позднее в республику был переведен детский дом из Карело-Финской ССР (64 ребенка), его разместили в с. Порецком одноименного района (ГИАЧР 4: 10; ГИАЧР 5: 13–13 об.). До сентября 1941 г. шло перераспределение детей по детским домам в связи с необходимостью учебы бывших дошкольников, комплектованием старших классов, выбытием почти 100 чел. в ремесленные училища, школы ФЗО и на производство.

Комплектование детских домов шло разными путями, но чаще всего детей направляли районные и городские отделы народного образования (в 1941 г. по неполным данным от них поступило 140 чел. из всех 690, принятых в 1941 г.), шло перераспределение между детскими домами (511 чел.), через приемники-распределители (30 чел.), из домов младенца (14 чел.). С началом войны до конца года выбыло из детских домов 244 чел., в т. ч. по перераспределению между детскими домами 149 чел., на работу — 25 чел., к родным — 37 чел., по другим причинам — 21 чел. и др. (ГИАЧР 6: 63, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 75).

В Управление детскими домами Министерства просвещения РСФСР, которое с началом войны было переведено в Киров, было направлено отношение с просьбой выделения одежды и обуви для воспитанников, одеял, тазов, ведер и другого инвентаря (ГИАЧР 1: 172). Детские дома обеспечивались кадрами, дополнительно на должности директоров были направлены 2 чел., заместителей по учебно-воспитательной работе — 3 человека. Кроме того, 20 выпускников педагогических училищ стали работать воспитателями, а 7 чел. — учителями школ при детских домах. Территории детских домов очищались от захламленности, в них организовывались дежурства воспитателей и воспитанников старших классов, приводился в порядок пожарный инвентарь. В Ибресинском детском доме воспитанники участвовали в охране линии железной дороги,

проходящей рядом с детским домом на протяжении 1,5 км, создавались санитарные, стрелковые, пожарные команды и т. д.

В связи с военным временем все детские дома придерживались «лагерного режима», работа велась на сельскохозяйственных участках и на животноводческих подсобных хозяйствах. Воспитанники запасали овощи, мясо и молочные продукты для своих учреждений. Всего за детскими домами было закреплено свыше 131 га земли, в т. ч. 124 га пашни, 3 га — сады и огороды. В подсобных хозяйствах имелись 32 лошади, 29 коров, 120 свиней, 53 овцы и козы, 44 пчелосемей и др. Финансово детские учреждения обеспечивались нормативно, но были проблемы с поставками продуктов, в том числе хлеба и круп. Например, Ибресинский детский дом в июне получал только хлеб, в июле — 1 ящик макаронных изделий, 2 мешка ячневой крупы, а в августе — только 15 кг пряников. В Цивильское воспитательное учреждение с 318 воспитанниками в августе 1941 г. было поставлено 80 кг муки и 200 кг разных круп. Детдом, прибывший из Ленинградской области, не получал сахар, кондитерские изделия, жиры. Сокращались поставки и другим детским домам. Выходить из положения приходилось за счет денежных средств, покупая продукцию на рынках (ГИАЧР 1: 182, 183). Ситуация изменилась в лучшую сторону с 1 октября, когда все детские дома стали снабжаться продуктами питания централизованно. Но заготовка овощей постановлением правительства республики возлагалась в основном на сами детские учреждения на выделенных земельных участках.

В сентябре 1941 г. в системе детских домов произошли изменения, связанные с ликвидацией самого большого по численности воспитанников Цивильского детского дома, и 318 воспитанников были перераспределены по другим учреждениям. К середине октября в детских домах насчитывалось 908 детей, и по нормативам имелась возможность принять еще 166 человек.

Работа детских домов находилась под постоянным контролем Министерства просвещения Чувашии. Так, в июле и начале августа методист министерства по детским домам Отачкина осуществила проверку работы Заволжского детского дома и, отмечая недостатки в организации хозяйственной и воспитательной деятельности, констатировала, что сравнительно с довоенным временем, имеются серьезные положительные подвижки. В детском доме были организованы несколько кружков, в том числе вышивальщиц, авиамодельный. Девушки вышивали изделия по заказу артели «Вышивка» для торгующих организаций, мальчики готовились к соревнованиям по авиамодельному спорту. Также работал кружок «Будь готов к санитарной обороне», велась подготовка к сдаче норм БГТО (ГИАЧР 1: 208). В целом к положительной оценке деятельности этого детского дома пришла и комиссия, направленная в детское учреждение республиканским министерством, после получения жалобы от бывшей воспитательницы детского дома, уволенной за ряд нарушений по работе. Они отметили проблемы с кадрами воспитателей, значительная часть которых не имела соответствующего образования, отсутствие дружеских контактов между девочками и мальчиками, меньшую организованность последних во внешкольной работе и т. д. Но в целом речь шла о неплохо организованной кружковой работе, вовлеченности детей в художественную самодеятельность и т. д.

В ходе подготовки к зиме в детских домах велись ремонтные работы в учебных корпусах, мастерских, общежитиях. Большое внимание уделялось ремонту печей и заготовке дров, остеклению корпусов. Верхним и нижним бельем, валенками и кожаной обувью дети были в основном обеспечены. Не хватало около 500 пар зимних пальто, и в некоторых детских домах их начали шить самостоятельно. Для воспитанников требо-

валось около 5 тыс. пар чулочно-носочных изделий, не доставало примерно 500 одеял. Самостоятельное изготовление последних обходилось для детских домов дорого, и надежды возлагались на централизованное снабжение (ГИАЧР 1: 281, 282).

На 1 января 1942 г. в республике насчитывалось свыше 17 тыс. эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет, из которых 705 прибыли в составе детских домов и детских яслей, остальные — с родителями и родственниками (Андреева, Игнатьева 2006: 87).

Напряженнее с обустройством детей была ситуация во вновь организованных детских домах, в частности, в Кувшинском, располагавшемся на противоположном от Чебоксар берегу Волги. Воспитательное учреждение начало функционировать только с 1 сентября 1941 г., подготовка к зиме была не завершена к началу ноября, в частности, не все печи были отремонтированы, не хватало вторых оконных рам, некоторые требовали остекления. Санитарное состояние оставляло желать лучшего, среди детей, численность которых составляла 150 чел., начали распространяться заболевания дифтерии (15 чел.) и чесотки (17 чел.), многие дети были завшивлены. Воспитанники, находившиеся там, были эвакуированы в Чувашию из других регионов, или же были из семей мобилизованных. Все они учились в 1–4 классах школы, работавшей при детском доме. Имелись случаи «разрушения детьми социалистической собственности». Почему-то они, например, сломали все пружины, автоматически закрывавшие двери, которые, в свою очередь, часто оставались открытыми, пропуская в помещения холодный воздух. Двор детдома был захламлен, на нем «валялся» не только сломанный, но и исправный инвентарь. Проблемы были с теплой одеждой и обувью детей, которых не хватало на всех, а имевшиеся требовали ремонта. Критику проверяющих вызвала организационная деятельность администрации, не сумевшей наладить нормальный учебный и воспитательный процессы (ГИАЧР 1: 392–394 об.).

Непросто шла адаптация детей в Ибреях в связи с переводом сюда значительной части воспитанников детского дома из Цивильска. В отчете о работе Ибреинского детского дома за первое полугодие 1941/1942 учебного года признается, что между коллективами детей наблюдалось противостояние, связанное с тем, что воспитанники, проживавшие и ранее в Ибреях, представляли дружный, достаточно сплоченный коллектив, основой которого была справедливость, совместная работа, сплоченность. В коллективе Цивильского детдома было больше тех ребят, которые ориентировались на принципы «бланности», круговой поруки. Объединение детских домов было не очень хорошо организовано, здания для вновь прибывших не были полностью отремонтированы, не хватало дров, скот в подсобном хозяйстве был истощен, корма также не были подготовлены.

Война ломала привычные принципы жизни, на первый план выходили мобилизационные задачи. В то же время нельзя утверждать, что дети, в том числе воспитанники детских домов, оказались вне внимания властей. Просто многие руководители, часть из которых заменяла мобилизованных на фронт, не смогла, особенно в первые месяцы войны, соответствовать новым временам, умело организовать учебный и воспитательный процесс, хозяйственную жизнь детских домов. Прибывшие в Ибреи из Цивильска воспитанники преобладали численно и стали навязывать свои представления о жизни коллектива, зачастую путем угроз и избиений. В результате произошло падение дисциплины, закрепление негативного отношения к учебе и т. д. Коллективу педагогов пришлось прикладывать немалые усилия, в частности разделение учеников по классам с тем, чтобы во время уроков минимизировать негативное влияние нарушителей дисциплины. Большой проблемой для детского дома стало организация освещения, поскольку

не хватало не только стекол для керосиновых ламп, но и самого керосина. Санитарное состояние комнат общежития нельзя было отнести к удовлетворительному. При этом имелась ощутимая разница с этой точки зрения между двумя корпусами общежитий, в одном из которых проживали дети, прибывшие из Цивильска. Воспитанники имели слабые представления о гигиенических навыках, воспитатели их слабо контролировали и по причине собственной невысокой санитарной культуры. В детдоме не хватало уборщиц, инвентаря для поддержки чистоты. В другом корпусе, где находились в основном воспитанники, ранее проживавшие в Ибресиях, порядок поддерживается более регулярно (ГИАЧР 7: 83–84об.).

В ходе проведения медицинского осмотра было выявлено, что детей, не имеющих болезни, оказалась половина от всех воспитанников. Было выявлено 30 случаев туберкулезной интоксикации, 20 больных бронхаденитом (первичный туберкулез), у 15 человек проявился рецидив трахомы, 10 воспитанников страдали пороком сердца, 11 — импетиго (болезнь кожи), 8 — чесоткой, у 7 детей было ночное недержание мочи и т. д. Со времени объединения воспитанников двух детских домов (середина ноября 1941 г.) к 1 января 1942 г. было госпитализировано 46 чел. с гриппом, корью, желудочно-кишечными заболеваниями, коклюшем, ангиной, пороком сердца и т. д. При этом следует помнить, что заболевшим в основном было не больше 15 лет, и ослабленное здоровье таких молодых людей стало следствием многих причин, в том числе отсутствия домашнего ухода, неполноценного питания. Правда, в документах отмечалось, что по весу продуктов, блюда в столовой находились в пределах нормы, но по калорийности составляли 80% от требуемого, что было связано с перебоями в снабжении маслом сливочным и растительным, кондитерскими изделиями. Часть продуктов, остававшуюся в Цивильском детском доме, не смогли перевезти в Ибреси и т. д. (ГИАЧР 7: 84–86).

Благополучнее дело обстояло в Покровском детском доме Октябрьского района, в котором значительная часть детей была из числа эвакуированных. Всего в январе 1942 г. их там насчитывалось 82 чел., в возрасте от 8 до 16 лет. Летом 1942 г. в школу ФЗО было направлено 2 чел., в детском доме жили 55 мальчиков и 25 девочек. Различных эпидемий во время учебы не было, каждый ребенок был обеспечен двумя комплектами белья, но валенки имелись не у всех. Воспитанники в основном ходили в обмундировании, в котором они приехали в Чувашию, требовалась его смена. Доставка питания райпотребсоюзом в первом половине учебного года задерживалась примерно на месяц, кроме того, детский дом должен был часть продуктов доставлять из Канаша (железнодорожная станция) и Чебоксары самостоятельно, что для воспитательного учреждения оказалось весьма затруднительно. Часть мясных продуктов приходилось покупать по рыночным ценам. Здания оказались достаточно разбросаны, баня, закупленная у частного хозяина, также находилась не близко, что затрудняло мытье детей и стирку белья в зимнее время. Весной 1942 г. в организованном подсобном хозяйстве было засажено 4 га картофеля, засеяно 2 га овса, 0,5 га занимали огородные культуры. Посевом и посадками занимались 2 соседних колхоза, а также воспитанники и воспитатели самого детского дома. Весной и летом собирались лекарственные травы. Значительная часть производственных процессов осуществлялась путем самообслуживания, организацией соревнования между отдельными бригадами. Финансирование детского дома, как и других воспитательных учреждений осуществлялось в плановые сроки (ГИАЧР 1: 1–9).

Летом 1942 г. Министерство просвещения Чувашии провело совещание директоров детских домов и специшкол, на котором обсуждалась работа этих учреждений. Часть про-

блем была однотипной, в своих выступлениях руководители сетовали на недостатки в оборудовании жилых помещений, для их ремонта не всегда находилась возможность нанять рабочую силу. Особой заботой для детских домов была заготовка дров на зиму и ремонт печей, без чего трудно было добиться нормальной температуры в помещениях, и дети зимой не снимали верхнюю одежду. Проблематичным в таких условиях было выдержать приемлемый уровень санитарного состояния. Постоянной заботой для руководителей был ремонт одежды, валенок, другой обуви. Частично это проводилось своими силами, в том числе с участием воспитанников. В летнее время они привлекались к работе в подсобных хозяйствах, на колхозных полях. В свою очередь, сельскохозяйственные артели закреплялись для оказания помощи детским учреждениям. В качестве положительного примера зам. министра просвещения Чувашии отметил инициативу Убеевского детского дома, который организовал помочь 7 колхозов (ГИАЧР 8: 7–13об.).

В Мариинском Посаде проблемы необустроенностя детского дома накладывались на недисциплинированность воспитанников, не желавших жить по установленным правилам. За учебный год было 6 побегов, по-прежнему срывались уроки, работа токарно-слесарной мастерской не была нацелена на выпуск продукции, которую можно было бы реализовать и получать средства. Директор учреждения просил подобрать заместителей, воспитателей и выделить средства на наем рабочих для ремонта зданий. Были предъявлены претензии своим коллегам, которые присылали в Мариинский Посад детей, которые или «не дотягивали» до уровня их воспитанников, или же, наоборот, переступили такую черту. Речь, в частности, шла о воспитаннике Заволжского детского дома, прегрешения которого сводились только к ночному недержанию мочи. Про другого 14-летнего молодого человека из Покровского детского дома директор заявил, что его за воровство следовало отдавать под суд, а не направлять в Мариинский Посад. В детском доме доставало своих воспитанников с подобными наклонностями. Так, после учебного года 8 человек было направлено в ФЗО при местной судоверфи, и двое уже были осуждены за хищение с базы столовой водников (ГИАЧР 8: 2, 5, 6).

Следует отметить, что нахождение детского дома в районном центре не соответствовало требованиям, предъявляемым к учреждениям для трудновоспитуемых подростков. Они практически беспрепятственно могли уходить из детского дома, находиться в городе, совершать правонарушения. Позднее воспитанники были переведены в трудовой лагерь.

Министр просвещения Макаров, выступая на этом совещании, отметил, что недостатки в работе серьезные, руководство Заволжского и Кувшинского детских домов пришлось менять, но все-таки с главной задачей — сохранением жизни детей в детских домах они все справились (ГИАЧР 8: 14). В резолюции совещания отмечалось, что деятельность учреждений еще не перестроена на военный лад. Высказывалась мысль, что следовало более тесно работать с предприятиями, куда направлялись выпускники детских домов, иметь сведения о качестве их жизни и работы. Критиковались многие аспекты воспитательной и учебной работы, трудового воспитания, намечались конкретные направления по их совершенствованию (ГИАЧР 9: 12–12об.). Стоит отметить, что сложная ситуация с благоустройством детских домов, снабжением продуктами, одеждой и обувью и т. д., была характерна не только для Чувашии. Применительно к России в целом об этом писал А. А. Славко. Он также констатировал, что серьезная ситуация складывалась с руководством детских учреждений, часть из которых не всегда могла организовать работу на должном уровне (Славко 2010: 83).

В 1943 г. после прорыва блокадного кольца в Чувашию прибыли дети из Ленинграда, и в республике открылись новые детские дома в Алатырском, Сундырском, Чебоксар-

ском и Янтиковском районах. В 1944–1945 гг. заработали детские дома в Алатырском и Комсомольском районах. Теперь в республике в детских домах воспитывалось около 2 тыс. детей дошкольного и школьного возрастов. Имеется достаточно много публикаций о работе детского дома в с. Ишаки Чебоксарского района, куда в августе 1943 г. прибыло около 120 детей из Ленинграда. Как отмечают авторы, для эвакуированных детей еда была главным смыслом жизни. В Чувашии в этом отношении было легче, но проблем, в том числе с питанием, хватало (Ивановский 2014: 86).

Становление новых детских домов сопровождалось традиционными трудностями, поскольку размещались они в неприспособленных помещениях, которые требовали ремонта, начиналось освоение участков, выделенных для ведения приусадебного хозяйства, с осени шла заготовка дров, ремонт зимней одежды, обуви и т. д. Финансирование детским домам было обеспечено, но для пользования им требовалась опыт, умение организовать коллектив и т. д.

Средства выделялись на воспитательную, учебную, хозяйственную и др. деятельность учреждения. Рассмотрим смету расходов 1943 г. на примере типичного детского дома, который располагался в г. Ядрин. В нем насчитывалось 300 мест, на 1 января 1943 г. там воспитывалось 292 ребенка, из которых школьники составляли 157 чел., остальные 135 — дошкольники. Самая большая сумма (414,6 тыс. рублей) направлялась на питание, исходя из 1382 руб. на 1 воспитанника в год, то есть 3 руб. 79 коп. в день. На приобретение и ремонт инвентаря и оборудования выделялось 165 тыс. руб. На заработную плату сотрудникам (68 штатных единиц) предусматривалось 142,3 тыс. руб. Заработная плата директора детдома составляла 600 руб., старшего повара — 200 руб., медицинской сестры — 180 руб. Самую многочисленную группу сотрудников составляли воспитатели, их насчитывалось 22 чел. (заработок 230 руб.), нянями работали 16 чел. (90 руб.). Уборщицы, которых было 3 чел., зарабатывали по 60 руб. На канцелярские и хозяйственные расходы определялось 36,5 тыс. руб. Сюда включались средства на канцелярские и почтовые расходы, заготовку дров (во всех зданиях приходилось топить 50 печей), приобретение 500 кг керосина для освещения помещений детского дома, 250 бочек воды ежемесячно для водоснабжения и другие расходы (ГИАЧР 10: 48–49).

В ходе инспектирования деятельности детских домов, проверяющие отмечали, что в 1943/1944 учебном году работа шла планово, за исключением Кувшинского и, особенно, Алдиаровского детских домов. В последнем занятия начались только с ноября месяца, условия жизни и учебы были непростыми. Не везло детскому дому с администрацией: в течение учебного года там сменилось 5 директоров и 3 заместителя по учебной работе. Алдиаровский детский дом оказался своеобразным рекордсменом по самостоятельному оставлению детей этого учреждения: с конца августа по конец декабря 1943 г. из 147 воспитанников детдом самовольно оставили 106 человек; с 1 января по 1 августа 1944 г. — 23 чел. Проверяющий перечислил причины побегов детей: неудовлетворительные материально-бытовые условия, невнимательное отношение со стороны воспитателей. Некоторые дети уходили для поисков родных. При этом отмечалось, что дети в основном вежливые, «ласковые». Правительством было принято решение перевести детский дом в Цивильск в здания, освобожденные воинской частью (ГИАЧР 11: 22, 23).

Изменилась ситуация в Мариинско-Посадском детском доме, который с 1 мая 1944 г. перестал быть учреждением с особым режимом. Ревизор Минпроса Чувашии проверял его работу за 1,5 года и отметил изменения к лучшему в организации питания и содержании воспитанников. Продукты поступали централизованно, а также из своего под-

собного хозяйства. Случались перебои с хлебом, который поставляло Мариинско-Посадская кооперативная потребительская организация (горпо). На рынке покупались отдельные товары, например, лук и чеснок. Об улучшении питания свидетельствовали меню столовой в июне 1944 г. за несколько, произвольно взятых нами, дней:

1.06. Завтрак. Картофель отварной с огурцами и помидорами. Чай с конфетами.

Хлеб 100 гр.

Обед. Щи с капустой мясные. Простокваша с сахаром. Хлеб 200 гр.

Ужин. Щи зеленые с картофелем и животным маслом. Хлеб 100 гр.

7.06. Завтрак. Пирожки с грибами и луком. Чай с конфетами. Хлеб 100 гр.

Обед. Суп гороховый с картофелем и животным маслом. Студень. Хлеб 200 гр.

Ужин. Картофель жареный с молоком. Хлеб 100 гр.

17.06. Завтрак. Масло сливочное 15 гр. Чай с конфетами. Хлеб 100 гр.

Обед. Суп-лапша с мясом. Каша гороховая. Хлеб 200 гр.

Ужин. Окрошка с мясом, яйцами и луком. Хлеб 100 гр. (ГИАЧР 14: 8).

Стоимость питания одного воспитанника в 1943 г. составляла 3 руб. 59 коп. в день, недорасход — 31 коп. За 5,5 мес. 1944 г. — 4 руб. 23 коп., перерасход — 33 коп. в день. Перерасход был величиной условной, он возник в учетных книгах за счет отпуска продуктов из подсобного хозяйства. В июне уже не хватало картофеля, что отражалось на разнообразии блюд, но «в изобилии» имелись молочные продукты. В столовой была возможность для размещения 50 посадочных мест, то есть для всего контингента воспитанников. Но столов, скамеек и стульев было достаточно только для 20 человек. Поэтому питание организовывалось в 2 смены. Одеяла и матрасы имелись, но требовали обновления. Одеждой и обувью воспитанники были обеспечены, но на осень необходимы были кожаная обувь и галоши. В помещениях чисто, но требовалась побелка. Во дворе регулярно убирались и наводили порядок (ГИАЧР 14: 9, 12).

Из проблем также отмечалось, что в 1944 г. болели малярией 7 чел., чесоткой — 24 чел., недержанием мочи — 4 чел., трахомой — 2 чел. Другие болезни (ангина, грипп и др.) — 25 чел. коклюш — 1 чел. Дети, находящиеся в детдоме 2–3 мес., по мнению ревизора, имели здоровый вид, в отличие от вновь прибывших (ГИАЧР 14: 12 об.).

Проверками, проведенные в августе 1944 г., во всех детских домах, отмечено, что в школах и жилых помещениях санитарное состояние удовлетворительное, белье чистое, дети соблюдают требования личной гигиены. Питание в целом соответствовало требованиям, но бывали перебои с хлебом, особенно это было характерно для Алдиаровского детского дома, о чем было сообщено в прокуратуру республики. В конце концов, учреждение было закрыто, дети переведены во вновь начавший действовать Цивильский детский дом.

К началу 1945 г. в Чувашии функционировали 4 школьных детских дома, в которых насчитывалось 539 воспитанников, 1 дошкольный с 71 воспитанником и 7 смешанного типа с 963 воспитанниками. Всего в 12 детских учреждениях находилось 1663 воспитанника. Кроме того, имелось 22 небольших колхозных детских дома с 415 воспитанниками. В них на средства колхозов содержались дети местного населения, оставшиеся без попечения родителей и родных (ГИАЧР 11: 30, 35). С 1943 г. количество подобных детских учреждений немного возросло, как и численность детей (19 детских домов и 367 чел.) (Серебрянская, Сакович 2020: 277).

Заволжский детдом, находившийся в сосновом лесу, в соответствии с распоряжением Совнаркома РСФСР от 21 декабря 1944 г., решением местного правительства от 19 января 1945 г. преобразовывался в учреждение санаторного типа, в котором планировалось

размещать детей дошкольного и школьного возрастов с «туберкулезной интоксикацией». Детский дом санаторного типа должен был 1 апреля 1945 г. принять 100 первых воспитанников. Соответствующим ведомствам республики вменялось обеспечение необходимых условий для проживания и лечения больных детей (ГИАЧР 12: 46–46 об.).

В 1945 г. численность воспитанников в детских домах Чувашии была установлена в 2500 человек. Трудоустроить подлежало 187 чел., из которых 150 чел. направлялось в систему трудовых резервов и на местные промышленные предприятия, а 37 чел., являвшиеся отличниками учебы, должны были продолжить посещение школ в 7–10 классах (ГИАЧР 13: 8). Дети, направляемые на трудоустройство, родом были как из Чувашии, так и других регионов страны. Например, из 17 воспитанников Порецкого детского дома, 8 были из Чувашии, 9 — из Москвы и Московской области, а также Карело-Финской ССР (по существующему в то время территориально-административному делению). Из детского дома в с. Явле планировалось трудоустроить 13 чел., из которых трое родились в Чувашии, а 10 чел. — в Ленинграде и Ленинградской области. Из 13 детей, воспитывавшихся в Маринско-Посадском детском доме, только 4 являлись уроженцами Чувашии, остальные жили в Москве и Московской области и других регионах. Подобная ситуация наблюдалась и в других учебно-воспитательных учреждениях (ГИАЧР 13: 14, 16, 28).

С 1944 г. проходила резакуация детей как организованно эшелонами, так и частным образом — с родителями и родственниками. Например, с июня 1944 по август 1945 г. в Ленинградскую область было отправлено 7 эшелонов, которые должны были перевезти свыше 7 тыс. детей. Как затем оказалось, часть эвакуированных осталась в Чувашии на постоянное место жительства. Решением правительства Чувашии всем отправляемым из республики выделялись продовольствие, обувь, носильные вещи и т. д. В каждом эшелоне перевозились коровы, свиньи, козы, кролики и т. д., которые предназначались отезжающим семьям (Питернова 2004: 89, 90).

Заключение

С началом Великой Отечественной войны в Чувашии примерно в 2,5 раза увеличилась численность воспитанников детских домов, и таким же образом возросло количество самих учреждений, которые перед началом войны переживали нелегкие времена с точки зрения материального обеспечения, хотя финансирование было регулярным в законодательно определенных объемах: не хватало учебного оборудования и материалов, теплой одежды и обуви, постельного белья и т. д. Ежегодно приходилось решать проблему заготовки дров для отопления учебных и жилых помещений, обеспечения полноценного питания и т. д. Реалии военного времени усугубили все названные трудности. Кроме того, следует учитывать, что с призывом значительного числа мужчин в Красную Армию, регулярных мобилизаций населения на сооружение оборонительных рубежей, других обязательных работ сократились возможности использовать рабочую силу для строительства, ремонта зданий и оборудования, заготовки дров. Отсутствие автомобильного, сокращение количества гужевого транспорта создавало трудности для своевременных поставок продуктов в детские учреждения. Труднее стало набирать кадры администрации, учителей, воспитателей для вновь открывающихся детских домов, замены тех, кто работал недостаточно хорошо. Иначе говоря, война заметно усугубила положение воспитанников в детских домах.

В документах отмечается значительный уровень заболеваний детей, недостаточное соблюдение требований санитарии и гигиены, что также стало одной из серьезных про-

блем для воспитателей и медицинских работников. В то же время следует подчеркнуть, что в годы войны не было допущено масштабных эпидемий заразных болезней, хотя отдельные случаи распространения тифа, кори и др. имели место. Своевременные прививки, достаточно оперативная работа медицинских служб позволяли не допустить или локализовать вспышки таких болезней. Жизни детей, как из Чувашии, так и эвакуированных из других регионов страны, в абсолютном большинстве были сохранены.

В целом, в ходе войны был в детских домах хотя бы незначительно, но постепенно налаживался, улучшалось питание воспитанников, ситуация с одеждой и обувью оставалась достаточно проблемной, но решаемой. По мере освобождения зданий и помещений, занятых под формировавшиеся воинские части, часть из них передавалась для использования детскими учреждениями.

Архивные материалы свидетельствуют о напряженных усилиях властей Чувашии, коллективов педагогов, воспитателей, медицинских и вспомогательных работников по организации работы детских домов, сохранению жизни и здоровья подрастающего поколения, оказавшегося в большинстве своем без родителей и близких, переживавших тяжелые психологические травмы. Сборники воспоминаний учителей и воспитателей, самих подростков передают атмосферу сложного быта в условиях военного времени, и в то же время наполнены искренними чувствами любви и благодарности. Например, спустя 40 лет после окончания войны, в Ленинграде была организована встреча жителей с. Ишаки и бывших воспитанников детского дома. На ней произносились слова признательности, бывшие воспитанники с теплотой вспоминали учителей, воспитателей, жителей села, своих сверстников. Они считали, что нашли приют и заботу в этом уголке Чувашии (Ивановский 2014: 92, 97). С возрастом к выросшим детям пришло понимание того, что большинство из них встретило на своем пути добрых людей, которые своими усилиями сделали практически все возможное, чтобы провести воспитанников детских домов через серьезные, в том числе трагические, испытания военного времени.

Источники и материалы

Опубликованные источники

Андреева, Игнатьева 2006 — Андреева Н., Игнатьева О. «К чужим как к своим...» (эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2006. № 1. С. 86–90.

БРЭ 2005 — Большая российская энциклопедия. Т. 3. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2005.

Ивановский 2014 — Ивановский В. Н. Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии: 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады посвящается: [воспоминания, архивные материалы]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 127 с.

Питернова 2004 — Питернова В. Ф. «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 85–93.

О ликвидации 1935 — О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). 31 мая 1935 г. [Электронный ресурс]. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371500> (дата обращения: 15.01.2025).

Архивные документы

ГИАЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики.

ГИАЧР 1 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2266.

ГИАЧР 2 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2257.

- ГИАЧР 3 — Ф. 221. Оп. 30. Д. 5.
 ГИАЧР 4 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2208.
 ГИАЧР 5 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2352.
 ГИАЧР 6 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2292.
 ГИАЧР 7 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2260.
 ГИАЧР 8 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2261.
 ГИАЧР 9 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2369.
 ГИАЧР 10 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2502.
 ГИАЧР 11 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2536.
 ГИАЧР 12 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2471.
 ГИАЧР 13 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2623.
 ГИАЧР 14 — Ф. 221. Оп. 2. Д. 226.

Научная литература

- Серебрянская Г. В., Сакович Н. В. Дети в годы Великой Отечественной войны (на примере Волго-Вятского региона) // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург, 23–25 апреля 2020. Сб. статей. Оренбург: Изд-во Оренбург. госуд. педагогич. института, 2020. С. 275–278.
- Славко А. А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 79–88.
- Тимофеев В. В. Детские эвакуированные учреждения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере республик Волго-Вятского региона) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 28 марта 2010. Чебоксары: Изд-во Чуваш. госуд. педагогич. ун-та, 2010. С. 149–154.

References

- Seriabrianskaia, G. V., and N. V. Sakovich. 2020. Deti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Volgo-Viatskogo regiona) [Children During the Great Patriotic War (on the Example of the Volga-Vyatka Region)]. In *Velikaia Otechestvennaia voina i problemy natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia k 75-letiiu Pobedy Sovetskogo Soiuza nad fashistskoi Germaniei (23-25 aprelia 2020)* [The Great Patriotic War and the National Security Problems of Modern Russia. International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet Union over Nazi Germany (April 23–25, 2020)]. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 275–278.
- Slavko, A. A. 2010. Detskie doma i shkoly dlja detei-sirot v Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i poslevoennyi period [Child Care Homes and Schools for Orphans in Russia during the Great Patriotic War and the Post-War Period]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* 1: 79–88.
- Timofeev, V. V. 2010. Detskie evakuirovannye uchrezhdeniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (na primere respublik Volgo-Viatskogo regiona) [Children's Evacuated Institutions during the Great Patriotic War (1941–1945) (on the Example of the Republics of the Volga–Vyatka Region)]. In *Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (k 65-letiiu Pobedy). Materialy Vserosciiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (28 marta 2010)* [Unity of the Front and Rear During the Great Patriotic War of 1941–1945 (To the 65th Anniversary of the Victory. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (March 28, 2010)]. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitetata. 149–154.